

Германский исторический институт в Москве

УНИВЕРСИТЕТ
В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ
XVIII – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА

*Под общей редакцией
А. Ю. Андреева и С. И. Посохова*

РОССПЭН
Москва
2012

УДК 94(47)(082.2)
ББК 63.3(0)53; 83.3(0)5
У59

Издание осуществлено на средства
Германского исторического института в Москве

Редакционный совет серии «Ubi universitas, ibi Europa»:

проф. Андрей Андреев (Москва)
д-р Андрей Доронин (Москва)
проф. Николаус Катцер (Гамбург/Москва)
проф. Ян Кусбер (Майнц)
проф. Сергей Посохов (Харьков)

Рецензенты:

д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
А. Е. Иванов; профессор Бернд Бонвеч (ФРГ)

Книга подготовлена в рамках проекта Фонда Герды Хенкель
«Ubi universitas, ibi Europa» (AZ 02/SR/08)

У59 **Университет в Российской империи XVIII – первой полови-**
ны XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. – М. :
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. –
671 с. – («Ubi universitas, ibi Europa»).

ISBN 978-5-8243-1765-7

Коллективная монография является итоговой публикацией в рамках международного научного проекта, посвященного анализу процесса становления университета в Российской империи. Проект осуществлен коллективом историков из Московского, Казанского и Харьковского университетов. Его результаты позволяют осмыслить специфику трансфера и адаптации университетской идеи в XVIII – первой половине XIX в., сравнить развитие университетов Российской империи с общеевропейскими тенденциями, лучше оценить доставшиеся нам в наследство университетские традиции.

Для историков, преподавателей, студентов, широкого круга читателей, интересующихся историей университетов в России и за ее пределами.

УДК 94(47)(082.2)
ББК 63.3(0)53; 83.3(0)5

ISBN 978-5-8243-1765-7

© Андреев А. Ю., Посохов С. И., 2012
© Германский исторический институт
в Москве, 2012
© Российская политическая
энциклопедия, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	6
---------------	---

РАЗДЕЛ I

Университет в Российской империи между корпорацией и государственным учреждением

Глава 1. Перенос представлений об университетской корпорации в Восточную Европу до начала XIX в.	44
--	----

1. Появление и развитие университетских привилегий в Средние века	46
--	----

2. Университетские привилегии и «государственная опека» в период просвещенного абсолютизма.	60
---	----

3. Первые представления об университетских привилегиях в Восточной Европе («юго-западный вектор» трансфера).....	81
---	----

Восточноевропейские академии, коллегии и братские школы в конце XVI и в XVII в.	83
---	----

Московская академия	101
---------------------------	-----

Православные академии и коллегииумы в XVIII в.	113
---	-----

4. Российский «модернизированный» университет в XVIII в. («северо-западный вектор» трансфера)	122
--	-----

Общие предпосылки	122
-------------------------	-----

Секулярность	132
--------------------	-----

Государственный контроль	136
--------------------------------	-----

Разработка Регламента	142
-----------------------------	-----

Комплектование кадров	148
-----------------------------	-----

Финансирование	150
----------------------	-----

«Академическая свобода»	160
-------------------------------	-----

Глава 2. «Университетская автономия» как продукт университетской реформы.	171
---	-----

Общая картина университетских реформ на рубеже XVIII–XIX вв.	173
--	-----

Понятие об университете как корпорации 195

Университетская юрисдикция и суд 199

Привилегии на выборы и учебное самоуправление 207

Финансовые и материальные привилегии 211

Цензурные привилегии 217

Привилегии на управление учебным округом 221

Глава 3. Адаптация университетских должностей и званий
в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. 229

1. Административные должности 229

 Куратор и попечитель 231

 Директор 281

 Ректор 294

 Деканы и другие члены Правления 311

2. Ученые степени в российских университетах 326

 Ученые степени как уровни академической
 квалификации 326

 Употребление ученых степеней в России
 до начала XIX в. 338

 Возникновение системы российских ученых степеней
 в начале XIX в. 356

3. Преподавательские должности 389

 Профессор 389

 Младшие преподаватели 426

4. Студенты 435

РАЗДЕЛ II

**Университет в социальном и городском пространстве
Российской империи**

Глава 4. Университет и местное общество 471

1. Городская училищная культура Восточной Европы
до основания университетов 471

2. «Заграничные просветители» и местная среда 493

 Иностранные профессора российских университетов:
 коллективный портрет 493

 Трудности адаптации 503

 Обзор деятельности профессоров-иностранцев в России . . . 523

3. Коммуникативные практики в университетском городе 535

 Профессора и студенты 535

 Профессора и российские сословия 544

Глава 5. Университет и формирование нового социального облика российского города	554
1. Самопрезентация университета: благородная ученость	554
Университетские ритуалы	554
Периодические издания и научные общества: репрезентация науки	566
2. Архитектурные концепции университетских зданий и их восприятие	580
3. Профессора в социальном пространстве российского города	600
Бытовое пространство профессора	600
Профессорская семья	607
Организация досуга. Салоны	624
Понятие о профессорском «стиле жизни»	630
4. Студенты в социальном пространстве российского города	634
Социализация студентов в городе	634
Адаптация «студенческого образа жизни» в России	640
5. «Университетское пространство»: концепции и выводы	658
Послесловие	668

ВВЕДЕНИЕ

История российских университетов в первые десятилетия их существования — это история переноса в Восточную Европу и последующей адаптации там европейской «университетской идеи». Важную роль в этом процессе сыграли немецкие университеты. Через них транслировались в Россию не только формы преподавания и организации высшего образования, но также связанные с университетом формы повседневности — организация досуга и общения, различные культурные традиции.

Современная историография выработала четкое представление, что история европейских университетов с самого их зарождения представляет собой единый, общий процесс, который можно охарактеризовать как распространение («экспансию») определенных образцов высшего образования. Начавшись в XIII столетии на юге Европы, в Италии и Франции, он с каждым столетием увеличивал охват территории, постепенно включая в себя Германию, Польшу, балтийские и скандинавские земли, страны Восточной Европы и вместе с ними Россию. При этом связь этого процесса с социальными условиями конкретной страны, где он утверждался, представляется довольно сложной, зачастую университету удавалось «подстраивать» под себя окружающее пространство, активно изменяя социальную среду, создавая в ней новую элиту с качественно более высоким, нежели раньше, уровнем образования. Тем самым университет в любом обществе, где бы он ни развивался, может рассматриваться как «инновационный проект», который утверждается и укореняется, взаимодействуя с местными условиями, наконец, завоевывает там место стандарта, эталона знания, после чего неизбежно устаревает и требует следующего этапа реформ, новых «инноваций».

Поэтому история университета в Европе — это история *трансфера* университетской идеи из одного города или страны в другую, подлинная *peregrinatio academica*, означающая перемещение не только людей, но и самого учреждения. Притом это и история

непрерывной *адаптации* этих идей, совершающейся далеко не всегда легко, подчас в острой конкурентной борьбе с местными образовательными учреждениями или традициями. Конечный результат и получает название «национальной системы университетского образования», ядро которого, а именно сама идея университета, сохраняется неизменным, хотя и может затмеваться и искажаться теми или иными наслоениями.

Зарубежная историография университетской истории в ее современном состоянии создала солидную теоретическую базу для понимания процесса распространения университета в Европе. В основу была положена концепция смены университетских «моделей». Понятие о таких моделях связало воедино сумму принципов внутренней организации и социальных функций университета. Оно отражает тот закономерный факт, что в разные исторические эпохи, говоря об университете, на деле следует подразумевать различные типы учебного заведения с разными устройством и ролью в обществе, ведь вполне естественно, например, что содержание современного университета в огромной мере отличается от его средневекового прототипа.

Три базовые, сменяющие друг друга модели европейских университетов получили название «доклассическая», «классическая» и «постклассическая». Доклассическая модель связывается с организацией и функциями средневекового корпоративного университета, классическая — с исследовательским университетом XIX — первой половины XX в., существующим на условиях поддержки со стороны государства, постклассическая — с современным, т. н. массовым университетом со сложной, сбалансированной структурой внутреннего управления (учитывающей интересы преподавателей, студентов и обслуживающего персонала), диверсифицированными потоками финансирования и т. д.

Исходным мотивом к выделению таких моделей явилось желание построить единую периодизацию университетской истории Европы. В этом смысле был намечен важный рубеж около 1800 г., знаменовавший переход от доклассической к классической эпохе в истории университетов, а также рубеж 1950–1960-х гг., обозначивший возникновение современного «массового» университета. Однако в последующем было уточнено, что университетские модели следует понимать не в строго хронологическом смысле привязанными к определенной эпохе, а скорее как «идеальные

типы»¹. Это значит, что, во-первых, существует определенная дистанция между зафиксированными в описании модели идеальными университетскими чертами и их конкретными воплощениями, которые в рамках одной и той же эпохи допускают известное разнообразие, не отклоняясь при этом от базовых принципов. Во-вторых, из этого вытекает, что границы между эпохами не являются четкими и непроницаемыми, а, напротив, должны представляться достаточно размытыми, так что отдельные черты и принципы доклассического университета далеко пережили свое время, эхом отдаваясь в практике классического университета, и, наоборот, базовые идеи классического университета вызревали внутри доклассического и могли в нем существовать латентно, не требуя на первых порах внешних проявлений в виде изменения организации университета.

В Центральной Европе применение указанных теоретических понятий позволило историкам детально исследовать, каким образом внутри единой доклассической эпохи, протянувшейся с середины XIV до начала XIX в., сперва произошла конфессионализация, т. е. разделение университетского пространства по конфессиональному признаку, а затем началась модернизация (затронувшая в большей степени протестантские, в меньшей — католические университеты), общий смысл которой заключался в том, чтобы поставить университеты на службу государству. Модернизированный немецкий университет, воплощенный в XVIII в. всего в нескольких, но оттого чрезвычайно важных примерах, представлял собой смешанный, пограничный между эпохами тип, который демонстрировал, каким образом внутри доклассической модели формировались принципы классического университета. Сама же классическая модель родилась именно в Германии начала XIX в., когда был осуществлен переход от университета как средневековой привилегированной корпорации к университету как «соединению наук» (*universitas litterarum*), находящемуся на государственном обеспечении и под государственным контролем, но пользующемуся широкими научными свободами.

Однако изучению аналогичного процесса в Восточной Европе, к которой в Средние века относились Польско-Литовское госу-

¹ *Moraw P. Universitäten, Gelehrte und Gelehrsamkeit in Deutschland vor und um 1800 // Schwinges R. Ch. (hrsg.). Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert. Basel, 2001. S. 20.*

дарство, Венгерское королевство и Московская Русь, а в Новое время — Речь Посполитая и Российская империя, историки уделяли пока явно недостаточное внимание. Очевидной задачей применительно к данному региону становится соотнесение фундаментальных теоретических выводов, относящихся к истории европейских университетов в целом, с результатами детального анализа, который могут провести специалисты, изучающие истории отдельных университетов. На решение этой задачи и был нацелен международный исследовательский проект «Ubi universitas, ibi Europa»², в котором основными объектами изучения были университеты Российской империи, а хронологическими рамками — эпоха переноса и усвоения (*трансфера* и *адаптации*) «университетской идеи» на востоке Европы с рубежа XVII–XVIII вв. до середины XIX в.

Действительно, наблюдавшиеся начиная с последней трети XVII в. попытки открыть университет по европейскому образцу увенчались в Российской империи успехом в 1755 г., когда по указу императрицы Елизаветы Петровны был создан Московский университет. В 1803–1804 гг. императором Александром I была проведена реформа народного образования, результатом которой явилось одновременное создание уже целой группы университетов на территории Российской империи. Шесть императорских университетов (Московский, Казанский, Харьковский, Санкт-Петербургский, Дерптский и Виленский) представляли собой высшую ступень учебных заведений России, они управляли школами низших ступеней (гимназиями, уездными училищами).

О том, что состоявшийся в начале XIX в. переход от единственного университета Российской империи — Московского — к указанной группе из шести университетов ознаменовал рождение именно *системы российских университетов*, свидетельствует несколько факторов³. Прежде всего, речь шла о выработке в этот момент единого законодательства, регулирующего статус и внутреннюю организацию университетов в Российской империи; к тому же все они оказались под высшим управлением и контролем созданного в 1802 г. Министерства народного просвещения. Все это

² Проект осуществлялся в 2008–2010 гг. в Германском историческом институте в Москве при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung.

³ Понятие «системы российских университетов» в современной историографии наиболее подробно разработано Ф. А. Петровым, см.: *Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1–4. М., 2002–2003; и, в особенности: Т. 1. Российские университеты и устав 1804 года. М., 2002. С. 7–26.*

вместе позволяет говорить о появлении в Российской империи с начала XIX в. осознанной государственной политики в области университетского образования, продуктом которой и стало появление «системы российских университетов», в условиях которой каждый университет должен рассматриваться уже не отдельно и независимо от других, но с учетом его положения и связей в образовательном пространстве Российской империи.

Правда, и внутри данной системы унификация и централизация оказались неполными, так, университеты, открывшиеся на окраинах империи, в остзейских (Дерптский) и литовских (Виленский) землях, были ориентированы на местное население — протестантское и католическое соответственно, говорившее на немецком и польском языках, получили собственное законодательное регулирование и существовали, во многом, обособленно от остальных и более автономно от центральной власти. Напротив, четыре других университета — Московский, Харьковский, Казанский и Петербургский — были в большей степени интегрированы унифицированным законодательством (общим университетским Уставом 1804 г.), внутренними связями и министерским регулированием. По отношению к этим четырем университетам в историографии часто применялось понятие «университеты внутренней России», или просто «российские университеты»⁴.

Подчеркнем и еще один момент, практически с самого момента возникновения обозначилось своеобразие системы российских университетов при ее сопоставлении с университетами других европейских стран. Это поставило перед историками вопрос о т. н. российской или царской университетской модели⁵. Однако вплоть до самого последнего времени как в российской, так и в зарубежной историографии черты этой модели были раскрыты

⁴ Естественно, понятие «российские университеты» является не чем иным, как удобным обозначением, употребление которого вытекает из конкретной постановки исследовательских задач (впрочем, применительно к тому же исследуемому в монографии периоду XVIII — первой половины XIX в. то же можно сказать и о понятии «немецкие университеты»; тем не менее о возможностях его продуктивного использования см.: Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX в. М., 2005. С. 65–68). Это значит, что понятие «российские университеты», как оно используется в данной книге, ни в коем случае нельзя интерпретировать с политической точки зрения и тем более в нынешнем понимании слова «российский», ведь описываемые им университеты отнюдь не попадают в современные государственные границы России.

⁵ Rüegg W. (gen. ed.). A History of the University in Europe. Vol. 3. Universities in the 19th and early 20th century (1800–1945). Cambridge, 2004. P. 10, 52, 66–67.

явно недостаточно⁶. Более того, именно поэтому в современных дискуссиях об образовании «особость» университетов в России во многом превратилась в симулякр, использование которого преследует цели, далекие от научных. В данной «особости» некоторые авторы видят обоснование того, что именно в России в противоположность Западной Европе всегда существовало «лучшее в мире», «наиболее передовое и фундаментальное» высшее образование, хотя при этом их попытки конкретно описать и объяснить его отличительные свойства, отталкиваясь от их «непохожести» на западные, приводят к противоречивым результатам. Такого рода тексты используются авторами, как правило, чтобы выразить собственное отношение к текущим реформам высшего образования, что для исторических работ представляет собой весьма опасную тенденцию⁷. Впрочем, вопрос о трудностях и опасностях на пути изучения истории университетов еще будет затронут ниже.

Лишь в последние годы благодаря работам российских и украинских историков (в том числе участников проекта «Ubi universitas, ibi Europa») удалось свести воедино основные черты развития университетского образования в Российской империи, которые были связаны с этапами трансфера «идеи университета» из Европы в Россию в XVIII — первой половине XIX в. Этот путь в терминах немецкой историографии можно было бы охарактеризовать как *Sonderweg* (нем. особый путь), но только тогда необходимо понимать, что подобный же *Sonderweg* со своими отличительными чертами может быть выделен для каждой европейской страны (при том, что у всех европейских стран, включая Россию, несомненно есть и *общие* черты в развитии университетов), что соотношение «общего» и «особенного» в истории очень гибко, подвижно, а также не всегда может одновременно применяться ко всем странам, поэтому для каждой эпохи должно быть конкретно и контекстно раскрыто (так, например, для европейских университетов XIV–XV вв. на фоне общих процессов их развития, разворачивавшихся в Италии и на юге Франции, появление и раз-

⁶ Разбор историографических дискуссий о соотношении российских университетов с их европейскими «пробрами» см.: *Посохов С. И.* Роль «немецкого образца» в процессе становления и развития университетов России XIX века: оценки и мнения в российской публицистике и историографии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История, политология, экономика. 2008. Вып. 5. № 1(41). С. 170–179.

⁷ Обзор работ и мнений об «особом пути» российских университетов см. в материалах дискуссии на страницах журнала «Высшее образование в России» (2008. № 6–7; 2009. № 3).

витие университетов к северу от Альп, в Германии, представляло собой безусловный *Sonderweg*, но в то же время в XIX в. тот же *Sonderweg* определялся, например, уже для южной Европы отличиями ее университетов от немецких, задававших магистральные тенденции, и т. д.). В некотором смысле *вся история университетов Европы на протяжении столетий являет собой не что иное, как совокупность отдельных «особых путей»*, но при всем том это не опровергает, а лишь подчеркивает важность исследования их общих характеристик, объединяемых в указанные выше базовые «модели».

Важным теоретическим вопросом, относящимся к постановке исследовательских проблем проекта «*Ubi universitas, ibi Europa*», является раскрытие уже употреблявшихся понятий «трансфера» и «адаптации», связанных с университетским образованием в Российской империи. Теоретический подход, использующий представление о трансфере тех или иных идей, подразумевает его «уже не как пассивное усвоение, но активный процесс, сопровождающийся отбором, внесением поправок и адаптацией», причем на первый план выступают «реальные посредники, методы и формы трансляции». Как заметил Клаус Шарф, «привычные обиходные формулировки вроде “идеи распространились” или “Просвещение повлияло” неудовлетворительны и допустимы в принципе только если из контекста следуют более точные разъяснения на этот счет. Историки хотят знать, как житель Российской империи — даже если это сам монарх — познакомился с идеями иностранного происхождения»⁸.

Применительно к идеям об университетском образовании это означает, что нас будут интересовать конкретные механизмы, посредством которых в России утверждались эти идеи, и прежде всего каким образом вообще сюда был перенесен «университет» как тип образовательного учреждения и какое содержание в него вкладывалось⁹. В связи с этим особое значение приобретает, как

⁸ Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // *Доронин А. В.* (сост.). «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и социальных практик в Российской империи. М., 2008. С. 14, 17.

⁹ Обсуждение проблем изучения трансфера в Россию в эпоху Просвещения для более широкого круга образовательных идей см.: *Aufklärungrezeption und Bildungskonzepte in Russland* // *Lehmann-Carli G., Schippan M., Scholz B., Brohm S.* (hrsg.). *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)*. Berlin, 2001. S. IX–XXXVI.

уже говорилось, изучение русско-немецких университетских связей, контактов между учеными, переезда в Россию иностранных профессоров, обучения русских студентов в немецких университетах¹⁰. В то же время использование понятий «трансфера» и «адаптации» позволяет более точно проанализировать характер этих связей: как подчеркивают историки, тем самым преодолеваются многие «врожденные установки порочных схем», и на смену прежним отношениям типа «ведущий — отстающий» или «образец — подражание» приходит более сложное содержание процесса, в котором страна-реципиент сама осуществляет отбор, в зависимости от собственного социального, культурного и иного контекста, когда и что именно «адаптировать», и в результате происходит реальное взаимодействие, дающее жизнь новым чертам, которых не было в отправной точке, откуда шел трансфер.

Также весьма важной теоретической проблемой является выявление путей трансфера университетских представлений в Россию. В этом отношении в данной монографии впервые подчеркнута принципиальная разница между двумя такими путями — согласно нашей терминологии, «юго-западным вектором» и «северо-западным вектором» переноса¹¹. Первый из них вел в Россию из южно-немецких и польских католических земель, другой — из северо-немецких протестантских.

Результатом первого из трансферов явилось развитие в XVIII в. коллегиумов и академий под управлением Русской Православной Церкви, очень близких по организации к иезуитским университетам¹². Второй из указанных маршрутов дал толчок к появлению проектов в духе немецких «модернизированных» университетов, Галле и Гёттингена, воплощением которых и явилось открытие в 1755 г. университета в Москве. Подчеркнем, что если о влиянии на российские университеты немецких протестантских университетов эпохи Просвещения историки уже писали, то влияние предшествовавшего этому «юго-западного вектора» трансфера — иными словами, восточноевропейских православных коллегиу-

¹⁰ См.: Андреев А. Ю. Русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2006.

¹¹ Название векторов трансфера — «юго-западный» и «северо-западный» — объясняется тем, что (как и для направления ветра) в первом из них трансфер происходит в Россию с юго-запада, а во втором — с северо-запада.

¹² Посохова Л. Ю. Православные коллегиумы Российской империи (вторая половина XVIII — начало XIX вв.): между традициями и новациями // Ab Imperio. 2010. № 3. С. 85–112.

мов и академий — на развитие университетского образования в Российской империи исследовано впервые в рамках данного проекта. Следует также учесть, что во второй половине XVIII в. внимание в России привлекали «этактические», т. е. ставившие систему университетов под полный государственный контроль, реформы высшего образования в Австрийской империи и послереволюционной Франции. Таким образом, к моменту создания собственной системы университетов в начале XIX в. в России были накоплены разнородные влияния, и все они в той или иной мере отразились в организационных принципах этой системы, одновременно сделав ее внутренне противоречивой и конфликтной.

В то же время трансфер университетской идеи происходил не только на уровне организационных моделей, укореняемых усилиями государства, но и через личные контакты и обмен идеями¹³. Вновь открываемые в начале XIX в. университеты наполнились выходцами из Западной и Центральной Европы, а в подавляющем большинстве из Германии¹⁴, приглашенными преподавать и заниматься научными исследованиями в России. Тем самым в Россию непосредственно переносилась особая «ученая среда», свойственная немецким университетам. Эта среда, будучи изначально космополитичной и оторванной от российского общества, в то же время сталкивалась с вызовами времени и вытекавшими из них притязаниями российских университетов на ведущее место в русской культуре и общественной жизни. Она одновременно была и «пересажена в Россию», и в то же время вписана в реалии ее государственных и общественных отношений, существенно отличавшихся от европейских.

При изучении трансфера «ученой среды» из Германии в Россию необходимо особое внимание обратить на формирование и деятельность преподавательской корпорации в российских университетах. Под «ученой корпорацией» в России понимается объединение профессоров и преподавателей университетов, наделенных (в соответствии с университетскими Уставами и иными государственными постановлениями XVIII — первой половины XIX в.) особыми правами и привилегиями, отличающими их от прочих людей на службе российского государства.

¹³ См.: *Андреев А. Ю., Посохов С. И.* (сост.). *Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX века: Антология.* М., 2011.

¹⁴ *Андреев А. Ю.* (общ. ред.), *Феофанов А. М.* (сост.). *Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.): Биографический словарь.* М., 2011.

Ключевой вопрос, возникающий в связи с этим: *какие условия и процессы образовали университетскую корпорацию в России и чем она отличалась от аналогичных корпораций Западной Европы?* Ответ на него на начальном этапе истории российских университетов чрезвычайно важен, потому что именно тогда сформировалась практика отношений внутри университета, а также между университетом и властью, которая впоследствии будет оцениваться как специфически русская, характерная для российской системы образования.

Так, уже в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. в общественно-политической жизни России даст о себе знать пресловутый «университетский вопрос»¹⁵. Так, будут называть рост напряжения между представителями российских университетов, профессорами и студентами, с одной стороны, и государством в лице чиновников Министерства народного просвещения — с другой. Это напряжение стимулировалось непрерывным усилением протестных настроений в студенческой среде, политической и общественной активности профессоров, идущей вразрез с политикой властей, и в то же время желанием Министерства жестко контролировать университетскую жизнь, не допуская там любых форм самоорганизации, не санкционированной сверху. Несмотря на реальную социальную подоплеку, «университетский вопрос» во многом зародился из мифологизированного переосмысления традиций академического быта предшествующего периода. Во второй половине XIX — начале XX в. и профессора, и студенты боролись за ценности университетской свободы и «автономии», противопоставляя их самодержавному строю. Тем самым парадоксальным образом академические обычаи, зародившиеся в средневековой Европе и перенесенные в Россию на излете эпохи Просвещения, воспринимались в качестве актуальных символов политической борьбы в период становления гражданского общества (*Bürgergesellschaft*) в России.

Стремление изучать российские университеты в их пока еще «неполитизированном» состоянии и в то же время проследить корни будущей политизации, исходя из представлений об адаптации в России европейских университетских идей, предопределило верхнюю хронологическую границу проекта — середину XIX в., до

¹⁵ Meyer K. Die Entstehung der "Universitätsfrage" in Russland. Zum Verhältnis von Universitäten, Staat und Gesellschaft zu Beginn des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 25 (1978). S. 229–238; Flynn J. T. "Russia's University Question": origins to great reforms // History of Universities. Vol. 7 (1988). P. 1–35.

эпохи Великих реформ в России и сопровождавших ее университетских потрясений.

В качестве основных **объектов исследования** были выбраны 3 российских университета: Московский, Казанский и Харьковский. Они являются старейшими университетами Российской империи (Московский основан в 1755, Казанский и Харьковский — в 1804 г.). В то же время каждый из них обладал своей спецификой.

Московский университет открылся в одной из двух столиц империи, главном городе российского дворянства, где взаимодействовал с различными культурными и уже имевшимися образовательными традициями. Одним из следствий этого явилось то, что университет сосуществовал с приданными ему дворянскими учебными заведениями (гимназией и благородным пансионом). История Московского университета покрывает весь исследуемый в монографии период и дает наиболее обширные и разнообразные материалы для анализа восприятия университетской идеи в России начиная уже с середины XVIII в. Особой эпохой в истории Московского университета явились реформы Александра I, когда в него были приглашены многие крупные профессора из протестантских университетов Германии, прежде всего Гёттингенского. В Московском университете четко проявилось противостояние старого доклассического университета, восходящего к средневековым цеховым традициям, и нового классического, основанного на исследовательском императиве и принципах служения «чистой науке».

Казанский университет в отличие от Московского был основан верховной властью без всякого согласия и поддержки местного дворянства и городской администрации. Он возник в крупном провинциальном городе на востоке империи, где оказался в полиэтничном (со значительным преобладанием татарского населения) и поликонфессиональном (прежде всего мусульманском) окружении, представляя тогда собой самый восточный университет континента вообще. Не случайно, говоря о Казанском университете, часто упоминали о его роли в «просветительской колонизации» региона. При этом именно в Казанском университете на протяжении длительного периода истории большинство корпорации составляли немецкие профессора, приглашенные из протестантских университетов и создавшие там ряд крупных научных школ. На сегодня архив Казанского университета — единственный среди университетских архивов, содержащих делопроизводствен-

ные документы первой половины XIX в., который сохранился без серьезных утрат. Изучение этих документов показывает, что процессы усвоения европейских идей в локальной культуре Казани происходили более конфликтно и находились более на виду, нежели в столичной (уже вестернизированной) культуре.

Харьковский университет открылся одновременно с Казанским, но в противоположность ему получил широкую дворянскую поддержку в своем регионе (Малороссия, Слободская Украина), который характеризовался давними (с XVII в.) образовательными связями с Европой, наличием слоя просвещенных интеллектуалов — носителей элементов сознания национального «малороссийского» Возрождения. Особенностью Малороссии являлось наличие в XVIII в. собственной традиции высшего образования (под эгидой православной Церкви), которая воплощалась в т. н. православных коллегиях. Их появление в данном регионе было следствием рецепции университетских идей на более раннем этапе, который осуществлялся через посредство южно-немецких и польских (иезуитских) высших школ. С основанием Харьковского университета эта традиция встретила с новыми университетскими идеями, исходившими из протестантских немецких университетов. Кроме того, приглашенные иностранные преподаватели в Харькове в отличие от других российских университетов не представляли собой однородной группы: они происходили как из протестантских северо-немецких университетов, так и из католических высших школ Австрийской империи, а также из ее славянских земель. Лишь в Харьковском университете среди приглашенных преподавателей существовала заметная группа французов. Такая неоднородность состава иностранцев в университете обуславливала особые типы конфликтов в профессорской среде на начальном этапе ее складывания, что позволяет выявить многие характерные черты адаптации европейской университетской идеи в России.

Материал из истории Петербургского университета также привлечен в монографии для сопоставительного анализа, хотя этот университет и был основан существенно позднее других (в 1819 г.) и тут же (в 1821 г.) подвергся «ревизии» (больше известной в литературе под названием «разгром»), чуть было не положившей конец его существованию, так что его стабильная деятельность началась не ранее второй половины 1820-х гг. Какого-либо осознанного и планомерного приглашения иностранных профессоров туда не проводилось. В течение всей своей истории он был

тесно связан с научной корпорацией Петербургской Академии наук, но изучение последней выходило за рамки проекта.

За его рамками осталось и еще два университета, действовавших в Российской империи в первой половине XIX в.: Дерптский (основан в 1802 г.) и Виленский (перешел в состав Российской империи из Речи Посполитой в 1795 г., получил новую организацию в 1803 г., а в 1832 г. был закрыт). Они представляли окраинные западные провинции Российской империи (Лифляндию и Литву), присоединенные к империи лишь в XVIII в., а до того имевшие собственные образовательные традиции. Именно поэтому процесс трансфера и адаптации там европейских университетских идей значительно отличался от остальной России. В то же время, безусловно, история Дерптского университета имела важное значение для всей системы российских университетов, поэтому соответствующие материалы использовались в ходе исследования, тем более что в первой половине XIX в. Дерпт и по составу профессоров и студентов, и по характеру преподавания по сути представлял собой немецкий университет на территории Российской империи и был тесно связан с другими немецкими университетами в Германии, являясь своего рода «посредником» в указанном трансфере между Европой и Россией. Кроме того, результаты, полученные при анализе истории российских университетов, сопоставляются в монографии с материалами из истории наиболее значительных для своего времени немецких университетов — Галле, Йены, Гёттингена, Берлина и др.

Таким образом, **предметом исследования** в проекте, итогом которого служит данная коллективная монография, являлся процесс институционального трансфера и адаптации в России европейских университетских концепций. Под влиянием этого процесса происходило формирование и функционирование ученых корпораций в российских университетах второй половины XVIII — первой половины XIX в., а также усвоение и распространение университетских традиций. При этом основной **целью** являлось показать на уровне академической повседневности, с помощью каких механизмов происходило усвоение европейской «университетской идеи» в России, каким образом из ее адаптации сложился российский *Sonderweg* в рамках общей европейской истории университетов и как результаты этой адаптации повлияли на окружавшее российские университеты социокультурное пространство.

Из этой общей постановки проблемы вытекали конкретные исследовательские **задачи**, а именно изучить, во-первых, **внутрикорпоративные отношения** в российских университетах, прежде всего само представление о «корпорации», каким оно заложено в основополагающих для университетов законодательных актах, как его воспринимали члены университета, а также каким образом его реализовывали на практике (в частности, в ходе выстраивания отношений между университетом и его попечителями как представителями государства). Также изучалась иерархия внутри корпорации (академические должности, ученые степени и звания), перенесенная из Германии и одновременно изменявшаяся под воздействием российских реалий; внутреннее членение корпорации на различные группы и признаки (национальный, конфессиональный, различные типы отношения к науке и т. д.); университетские конфликты, вскрывающие различия в представлениях об университете у различных членов корпорации, соответственно, их различную самоидентификацию; отношение преподавательской корпорации к студентам и учебному процессу, включая проблемы усвоения в России основополагающего принципа т. н. свободы преподавания и обучения (*Lehr- und Lernfreiheit*). Во-вторых, в монографии изучаются **взаимоотношения корпорации с внеуниверситетской социальной средой**. Это многообразные связи университета и города — бытовая организация жизни профессоров и студентов, «университетское пространство» в городе, механизмы саморепрезентации университета в общественной жизни; каналы взаимодействия университета и местного общества; формы и результаты культурного воздействия университета на окружающее пространство (культурного преобразования, «европеизации» или «просветительской колонизации») в масштабах уже не только города, но и учебного округа в целом.

В контексте изучения истории российских университетов все названные подходы являются новыми. Они помогут не только преодолеть многие устойчивые мифы, сложившиеся в историографии, но и обнаружить новые грани такого многомерного явления, как университет. Подчеркнем, однако, что в наши задачи не входит изучение учебно-научных университетских практик. Во-первых, как нам представляется, о научной и учебной деятельности российских университетов на сегодняшний день уже имеется довольно обширная литература, которая прежде должна подвергнуться историографическому анализу. Во-вторых, эта задача, требующая для своего решения углубленной разработки, уводит от главной цели. Нас же университет интересует как социальный

и культурный феномен (и в этом, еще раз подчеркнем, заключена принципиальная новизна подхода), соответственно, история университетов рассматривается в ракурсе социальной, культурной и интеллектуальной истории (исходя из самих базовых представлений о «трансфере» и «адаптации»).

В российской исторической науке проблема изучения европейского влияния на становление и развитие университетского образования в России впервые была поставлена еще в середине XIX в., в до сих пор не утратившем свою актуальность труде М. И. Сухомлинова¹⁶. Именно он впервые обнаружил существенное влияние немецких корреспондентов на разработку университетских преобразований в России начала XIX в., обратил внимание на роль Гёттингенского университета в качестве образца для реформ, изучил процесс приглашения немецких профессоров в российские университеты, дал при этом блестящий анализ исторической ситуации в немецких университетах первой четверти XIX в. и привел ряд примеров того, как эта ситуация отражалась на развитии университетов в России.

В статьях и очерках последней четверти XIX — начала XX в., написанных В. С. Иконниковым¹⁷, П. И. Ферлюдиным¹⁸, Б. Б. Глинским¹⁹, В. Е. Якушкиным²⁰ и другими, была оформлена т. н. либеральная концепция истории университетского образования России. Последняя в ней рассматривалась как чередование периодов «прогресса» и «реакции», наступления «либеральных» или «консервативных» элементов. Вопрос о том, какие причины, связанные с общественной жизнью России или с изменениями в общей истории университетов Европы, вызвали к жизни те или иные университетские преобразования, однозначно решался этими историками в пользу первых, т. е. внутренних причин. Тем самым проблема «европейского трансфера» для российских уни-

¹⁶ *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории просвещения в России в царствование Александра I. СПб, 1866.

¹⁷ *Иконников В. С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 9. С. 161–206; № 10. С. 492–550; № 11. С. 73–132.

¹⁸ *Ферлюдин П. И.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1894.

¹⁹ *Глинский Б. Б.* Университетские уставы (1755–1884) // Исторический вестник. 1900. № 1. С. 324–351.

²⁰ *Якушкин В. Е.* Из истории русских университетов в XIX веке // Вестник воспитания. 1901. № 7. С. 34–58.

верситетов не только не ставилась, но априорно получала второе-степенное значение и не могла быть решена как таковая.

Тем не менее стоит выделить работу Б. Б. Глинского, которая была посвящена сравнительно-историческому изучению университетских регламентов и уставов XVIII–XIX вв. Историк в ней напрямую задавался вопросом, «как трансформировался образ германского университета на русской почве, в какой тип вылился он и каковы были главнейшие моменты его перерождения»²¹. При этом Глинский одним из первых в российской историографии представил (с опорой на немецких авторов) совершенно верное определение «классического» университета в Германии как такого, который дает «чисто научное» образование, где «первое место занимает не подготовка к практической деятельности, но научное исследование и занятие наукой», и который основывается на «безграничной» свободе обучения и преподавания. Однако заблуждением Глинского являлась абсолютизация, перенесение этого типа немецких университетов из конкретных рамок XIX в. на всю их историю. Поэтому в дальнейшем в статье он исследовал не взаимосвязи российских и немецких университетов в конкретные исторические моменты (когда они могли обмениваться различными, в зависимости от эпохи, комплексами идей), а общее отражение указанного типа «классического» университета в российских университетских уставах. Это облегчило быстрый переход Глинского в последующем тексте к стереотипам либеральной историографии: в частности, все уставы, «лишенные автономии», были подвергнуты им осуждению за отклонение «от германского первообраза»²².

Вообще, данное исследовательское течение конца XIX — начала XX в. прекрасно показывает, как понятие «университетская автономия» превращается в *историографический миф*, лишенный конкретного содержания: никого не интересует, что исторически эта автономия теснейшим образом связана со средневековыми привилегиями как конструктивным элементом сословного общества, но, исходя из общественной ситуации в России того времени, университетской автономии придают характер абсолютной ценности и знака «внутренней свободы» университета, зовущей к борьбе за политическую свободу всего общества, вокруг которой должны сплотиться либеральные силы. Основу для таких высказываний можно найти еще в трудах М. И. Сухомлинова, который

²¹ Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 332.

²² Там же. С. 335, 339, 344.

писал, что именно утверждение в России с принятием университетского Устава 1804 г. университетской автономии «открыло путь для развития народной образованности и дало верный залог для ее безостановочного движения»²³.

Что же касается взаимосвязи истории российских и европейских университетов, то наиболее характерная для либеральной историографии точка зрения была представлена в работе В. Е. Якушкина. Согласно ей вся история российских университетов являлась исключительно частью истории российского государства и его общественных институтов. Якушкин полностью исключил российские университеты из общего хода европейской университетской истории, такая задача им даже не ставится, напротив, позиция историка приучает читателя смотреть на их историю как на «изолированную», «самодостаточную», вытекающую из состояния общественной жизни в России. А поскольку в этой общественной жизни чередуются периоды свободы и несвободы, то и история российских университетов должна рассматриваться «исходя из последовательных смен прогресса и реакции»²⁴. Так родилась получившая широкое хождение схема о чередовании в истории российских университетов «хороших» (1804, 1863) и «плохих» (1835, 1884) университетских уставов и, соответственно, «прогрессивных» и «реакционных» эпох, наступление каждой из которых знаменуется принятием соответствующего устава²⁵. Основным же критерием «прогрессивности» или «реакционности» для того или иного периода служит, согласно автору, мера «академического самоуправления», которая предоставлена университетам, т. е. все та же мифологически трактованная автономия.

С представлением о «самодостаточности» университетской истории России был связан и еще один утвердившийся тогда же миф о значении М. В. Ломоносова как самостоятельного создателя университетов в России и даже родоначальника их «особости»²⁶ (при этом сознательно не замечали, что сам Ломоносов получил свои представления об университетах из Германии и должен, по сути, рассматриваться как один из первых и влиятельнейших «агентов трансфера» университетских идей из Европы в Россию).

²³ Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 1–2.

²⁴ Якушкин В. Е. Указ. соч. С. 36.

²⁵ Об этом см.: Посохов С. И. Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // Высшее образование. М., 2006. № 1. С. 370–382.

²⁶ Сперанский М. Н. Московский университет XVIII в. и М. В. Ломоносов. М., 1912.

Впрочем, помимо обобщающих, концептуальных трудов конца XIX — начала XX в. можно назвать и отдельные крупные работы, посвященные обработке богатейшего материала по истории ученых корпораций на базе делопроизводственных документов из университетских архивов, а также личных источников²⁷. Фундаментальные труды по истории университетского образования в России, появившиеся в предреволюционные годы, принадлежали видному петербургскому историку С. В. Рождественскому. Они способствовали наполнению истории российских университетов новыми фактами, которые выводили исследователя за узкие рамки идеологизированных схем и мифов либеральной историографии²⁸. Рождественского интересовал прежде всего сам процесс возникновения системы российских высших школ и то, какие характерные черты она при этом приобретает. Предысторию этого процесса историк справедливо начинал с конца XVII в., показывая роль в нем Киевской и Московской академий, а также проектов создания высших школ, возникавших в ходе петровских реформ. Рождественский ввел в научный оборот широкий круг университетских проектов, в которых непосредственно отражалось усвоение в России европейских образовательных концепций. Однако в целом материал из истории европейских университетов той же эпохи, который мог бы стать предметом для сравнительного анализа, Рождественским привлекался редко. В его концепции российские высшие школы развивались в XVIII в. исходя из внутреннего противостояния начал специального и общего образования и, соответственно, желания государства то получать как можно больше специалистов для отдельных отраслей государственного хозяйства (в эпоху Петра I), то воспитывать «просвещенных граждан», универсально пригодных для любой службы (в эпоху Екатерины II). Не отрицая существование такого противоречия, нужно сказать, что подход Рождественского все-таки значительно сужает понимание развития университетских идей в России: у него полностью отсутствует представление о существовании

²⁷ Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета: 1805–1819. Казань, 1891; Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1–2. Харьков, 1893–1898; Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. Т. 1–4. Казань, 1902–1904.

²⁸ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. СПб., 1902; Он же. Университетский вопрос в царствование императрицы Екатерины II и система народного просвещения по Уставам 1804 г. // Вестник Европы. 1907. Т. 4. № 7; Он же. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.

старых и новых типов университетов в Германии (в современной терминологии — традиционных «доклассических» и «модернизированных») и их *одновременном* влиянии на Россию; не рассматривает он специально и острое соперничество «корпоративного» и «государственного» начал в проектах университетских преобразований во второй половине XVIII в.

Многие из описанных выше концепций и мифов, свойственных трудам российских историков начала XX в., были затем взяты на вооружение советской историографией, в которой проблема воздействия европейских идей на становление университетского образования в России если и затрагивалась, то преимущественно в отрицательном смысле²⁹. Основные работы советской историографии были приурочены к различным юбилеям отечественных университетов³⁰. В них всячески подчеркивалась внутренняя «самообусловленность» истории русских университетов, чье появление якобы было вызвано кризисом крепостничества в России, классовой борьбой и сопротивлением крестьян феодальному гнету³¹. Из либеральной историографии в советскую перешло утверждение о жесткой связи развития университетов и российской общественной жизни, а еще шире — социально-экономического развития страны. Кроме того, основание первого университета в Москве рассматривалось как реакция на «засилие немцев» в Петербургской Академии наук, отвечающая потребности «создать национальное русское просвещение и русскую науку». Обращаясь к анализу устройства Московского университета по Проекту 1755 г. или Уставу 1804 г., авторы не занимались его сравнением с европейскими аналогами, а, как и в либеральной историографии, сразу выделяли одну главную позитивную черту — автономию, хотя подчеркивали, что «классовая дворянская ограниченность» не позволяла ей реализоваться на практике.

²⁹ *Посохов С. И.* Роль «немецкого образца» в процессе становления и развития университетов России XIX века: оценки и мнения... С. 174–175.

³⁰ *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1–2, здесь цит. по: Т. 1. С. 6; *Очерки по истории Московского университета // Ученые записки МГУ. История.* Вып. 50. М., 1940; *История Московского университета / под ред. М. Н. Тихомирова.* М., 1955. Т. 1–2; *Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. 1805–1911.* Харьков, 1955; *История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969.* Л., 1969; *Казанский университет, 1804–1979: Очерки истории.* Казань, 1979.

³¹ *История Московского университета.* Т. 1. С. 11.

Для советской историографии было характерным противопоставление русских и иностранных профессоров в отечественных университетах: первые, естественно, играли главную и передовую роль в становлении университетского образования в России, а вторые, т. е. приглашенные сюда немецкие профессора, рассматривались как «группа реакционных псевдоученых»³², которые «вели ожесточенную борьбу против материализма, выступали против передовых научных и общественных взглядов и теорий, занимались травлей передовых русских ученых, всячески сопротивлялись преподаванию на русском языке, восхваляли крепостное право и реакционные мероприятия Екатерины II»³³. Проблема «реабилитации» немецких профессоров российских университетов была поставлена лишь после окончания советской эпохи, этому были посвящены даже отдельные работы³⁴. Однако лишь в самые последние годы было осознано, что необходим не только взвешенный анализ деятельности иностранных профессоров в России, но и рассмотрение их как цельного явления, имевшего важнейшее значение для процессов трансфера в Россию как общей «университетской идеи», так и конкретных университетских традиций, практик, форм повседневности и т. д.³⁵

За последние 15 лет российскими и зарубежными историками была значительно расширена фактическая и теоретическая база исследований по истории российских университетов³⁶. Из всего многообразия работ выделим здесь те, в которых исследователи наиболее близко подошли к анализу проблем, заявленных в нашем проекте. Так, в фундаментальной монографии Т. Маурер³⁷ был дан широкий социологический портрет российской профессуры, своего рода «коллективная биография», и хотя исследовательница в основном интересовал период истории российских универ-

³² *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.

³³ История Московского университета. Т. 1. С. 41–43.

³⁴ *Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997.

³⁵ Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.). Биографический словарь. С. 7–8.

³⁶ См.: *Лантеева Л. П.* История российских университетов XVIII — начала XX века в новейшей отечественной литературе // Российские университеты в XVIII — начале XX века. Сб. статей. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 3–27; *Посохов С. I.* Образи університетів Російської імперії другої половини XIX — початку XX століття в публіцистиці та історіографії. Харків, 2006. С. 257–358.

³⁷ *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998.

ситетов во второй половине XIX — начале XX в., но и по периоду XVIII — первой половины XIX в. ею было получено немало важных результатов, касающихся исследования этапов карьеры ученого и становления профессуры как профессионального сообщества в России. Проблемы идейной близости и ученого обмена с Европой затрагивались Т. Маурер в ряде статей применительно к оценке степени «модерности» университетов Российской империи³⁸. Повседневные академические практики были исследованы в современной российской историографии на примере истории Казанского университета первой четверти XIX в. участником проекта Е. А. Вишленковой³⁹. Следует также отметить недавние работы историков Московского университета, в которых вместо социально ориентированного подхода при изучении университетской корпорации использован культурологический подход⁴⁰. Большой интерес представляет книга А. Е. Иванова, в которой автор впервые задался целью осветить возникновение и развитие отдельного института в рамках университетской истории — системы ученых степеней⁴¹. Им были получены важные выводы о своеобразии этой системы в дореволюционных российских университетах по сравнению с европейской, послужившей для них прообразом.

Наиболее замечательным событием в новейшей российской историографии истории университетов явился выход многотомного труда Ф. А. Петрова «Формирование системы университетского образования в России» (общим объемом свыше 140 печ. л.)⁴².

³⁸ *Maurer T.* "Abkommandiert" in die "akademische Freiheit". Russischer Professorenwachstum in Deutschland im 19. Jahrhundert // *Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte*. Bd. XXIV. 1995. S. 63–104; *Maurer T.* Egalität und Weltläufigkeit: zur Modernität rußländischer Universitäten und ihrer Professorenschaft // *Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*. 17 (2007). Heft 5/6. S. 146–160.

³⁹ *Вишленкова Е. А.* Казанский университет Александровской эпохи. Казань, 2003; *Вишленкова Е. А., Мальшева С. Ю., Сальникова А. А.* Terra Universitatis. Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.

⁴⁰ *Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б.* (ред.). Университет для России. Взгляд на историю русской культуры XVIII столетия. М., 1997; *Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б.* (ред.). Университет для России. Т. 2. Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001; *Кулакова И. П.* Университетское пространство и его обитатели. М., 2006.

⁴¹ *Иванов А. Е.* Ученые степени в Российской империи: XVIII в. — 1917 г. М., 1994.

⁴² *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002; Т. 2. Становление системы университетского образования в первые десятилетия XIX в. М., 2002; Т. 3. Универси-

В этом исследовании автору удалось синтезировать все основные достижения, которые были получены в изучении истории университетского образования в России XVIII – первой половины XIX в. за последние полтора века. Работу Петрова отличает комплексный анализ источников, среди которых на первом плане стоят документы, связанные с подготовкой и реализацией двух университетских реформ в России: начала XIX в. и середины 1830-х гг. Автором исследованы и сопоставлены многочисленные проекты университетских уставов (особенно важен его анализ разработки Устава 1835 г.) и показаны основные направления политики Министерства народного просвещения в течение первой половины XIX в. Впервые в историографии в книге подробно представлен вклад, который внесли в организацию университетского образования попечители учебных округов, среди которых были такие выдающиеся деятели университетского образования, как М. Н. Муравьев и С. Г. Строганов. В труде Ф. А. Петрова детально показан процесс формирования профессуры российских университетов первой половины XIX в., автор останавливается и на вкладе в этот процесс немецких университетов. Однако европейский контекст истории российских университетов в труде Ф. А. Петрова как таковой специально не исследуется. Поэтому некоторые выводы, к которым приходит автор, требуют дополнения, исходя именно из указанных выше представлений о трансфере и адаптации университетских концепций и с привлечением более широкого круга источников, включая зарубежные. В особенности это относится к начальному этапу развития российского университетского образования в XVIII в., который не был в фокусе работ Петрова, сосредоточившегося преимущественно на исследовании преобразований первой половины XIX в.

Современная зарубежная историография по общим проблемам университетской истории Европы, как уже отмечалось, достигла значительных успехов в развитии методологии и понятийного аппарата для изучения идейного и институционального трансфера европейского университета⁴³. В то же время место России в этом

тетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М., 2003; Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура; Ч. 2. Студенчество. М., 2003.

⁴³ *Rüegg W.* (ed.). *Town and gown: the University in Search of its Origins*. Genf, 1983; *Die Idee der Universität. Versuch einer Standortbestimmung*, Berlin; Heidelberg, 1988; *Schubring G.* (hrsg.). 'Einsamkeit und Freiheit' neu besichtigt. *Universitätsreformen und Disziplinenbildung in Preussen als Modell für Wissenschaftspolitik im Europa des 19. Jahrhunderts*. Stuttgart, 1991; *Hammerstein N.* (hrsg.). *Universitäten und Aufklärung*.

процессе изучено еще пока явно недостаточно. Так, в фундаментальном труде «A History of the University in Europe» сведения о т. н. российской модели приводятся со ссылкой работы, уже значительно устаревшие или имеющие общий обзорный характер, поэтому конкретного анализа, основанного на широкой фактической базе, здесь нет⁴⁴. Тем самым происходит своего рода историографическое «отражение»: в силу указанной выше тенденции, характерной для отечественной историографии — видеть развитие российских университетов изолированным, — западные коллеги не имеют достаточного материала, чтобы вписать это развитие в европейский контекст. Преодолеть данное разделение — одна из задач проекта.

Современные историки пришли к необходимости критически осмыслить некоторые понятия университетской истории, которые раньше представлялись самоочевидными. Иными словами, речь идет о преодолении целого ряда мифов: так, например, не только в российской, но и в западной историографии существовал миф об «университетской автономии», которая якобы изначально возникает для охраны пространства свободной мысли в университете и позволяет сделать его средоточием интеллектуалов (эта тема на примере дискуссии о т. н. тезисе Грундманна будет затронута в первом разделе монографии), в итоге переосмысление данного мифа позволило по-новому взглянуть на социальные связи университета и его функции в сословном обществе. Характерными представляются современные дискуссии историков о «гумбольдтовском мифе»⁴⁵. Из них, во-первых, следует, что представление о «классической», или «гумбольдтовской», университетской моде-

Göttingen, 1995; Ash M. G. (hrsg.). *Mythos Humboldt: Vergangenheit und Zukunft der deutschen Universitäten*. Wien; Köln; Weimar, 1999; *Schwinges R. Ch.* (hrsg.). *Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert* (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte, 3) Basel, 2001; *Schwinges R. Ch.* (hrsg.). *Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart* (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte, 6). Basel, 2005; *Schwinges R. Ch.* (hrsg.). *Examen, Titel, Promotionen. Akademisches und Staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 20. Jahrhundert* (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte, 7). Basel, 2007.

⁴⁴ Rüegg W. (gen. ed.). *A History of the University in Europe*. Vol. 2. *Universities in early modern Europe (1500–1800)*. Cambridge, 1996; Vol. 3. *Universities in the 19th and early 20th century (1800–1945)*. Cambridge, 2004.

⁴⁵ Paletschek S. *Die Erfindung der Humboldtschen Universität: die Konstruktion der deutschen Universitätsidee in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts // Historische Anthropologie*. 2002. Bd. 10 (2). S. 183–205; Андреев А. Ю. «Гумбольдтовский миф» и дис-

ли было обосновано («открыто», «сконструировано») спустя сто лет после основания Вильгельмом фон Гумбольдтом Берлинского университета и тем самым представляет собой типичный историографический миф. Но, во-вторых, это вовсе не отрицает значимости воздействия не только Берлинского, но и других немецких университетов через проистекавший оттуда общий комплекс неогуманистических идей и ценностей на формирование нового университетского идеала и концепций университетских реформ в XIX в. Таким образом, в современной науке был четко поставлен вопрос о трансфере и адаптации идей «классического» университета в Европе XIX в. независимо от их конкретной реализации в виде «образцового» Берлинского университета⁴⁶ (как уже указывалось, концепция «трансфера и адаптации» позволяет отойти от упрощенных схем рецепции типа «образец — подражание»).

В связи с исследованием вопросов, затронутых в данной монографии, было полезным также обратиться к опыту, накопленному в зарубежной (в особенности, немецкой) историографии по изучению социальной организации, внутрикорпоративных отношений и внешних связей университетов раннего Нового времени⁴⁷. Показательна в этом смысле недавняя книга М. Фюсселя, посвященная университетским ритуалам и конфликтам и исследующая на примере истории корпорации немецких университетов раннего Нового времени многие аспекты академической повседневности, аналогичные заявленным в данном проекте касательно российских университетов⁴⁸.

куссии о модели классического университета в современной зарубежной историографии // Харьковский историографический сборник. Вып. 7. Харьков, 2004. С. 31–49.

⁴⁶ *Schwinges R. Ch.* Der Export des deutschen Universitätsmodells. Eine Einführung // *Schwinges R. Ch.* (hrsg.). Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte, 3) Basel, 2001; *Schlenberg M.* Humboldt auf Reisen? Die Rezeption des “deutschen Universitätsmodells” in den französischen und britischen Reformdiskursen (1810–1870) (Veröffentlichungen der Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte, 4). Basel, 2002.

⁴⁷ *Prahl H. W.* Sozialgeschichte des Hochschulwesens. München, 1978; *Wollgast S.* Zur Geschichte des Promotionswesens in Deutschland. Bergisch Gladbach, 2001; *Weber W.* Geschichte der europäischen Universität. Stuttgart, 2002; *Feingold M.* University and science in the early modern period. Dordrecht, 2006; *Clark W.* Academic charisma and the origins of the research university. Chicago, 2006.

⁴⁸ *Füssel M.* Gelehrtenkultur als symbolische Praxis: Rang, Ritual und Konflikt an der Universität der Frühen Neuzeit. Darmstadt, 2006.

И все же наряду с новыми подходами и расширением спектра проблем современный этап развития историографии истории университетов, как, впрочем, и раньше, содержит в себе ряд опасностей, которые вызваны тем, что университетская история, как правило, изучается представителями самих университетов и, таким образом, представляет собой «самоописание» и, по крайней мере, описание собственного *прошлого* с неизбежной тенденцией и опасностью взглянуть на это прошлое с точки зрения проблем *настоящего*. А эти проблемы для университетских историков всегда стоят особенно остро, поскольку речь идет по сути о том, что окружает их постоянно, сопровождает повседневную жизнь ученого, является предметом каждодневных размышлений. По меткому замечанию Х. Бокмана, отсюда вытекают два возможных типа для искажений истории — или с помощью описания темных сторон прошлого как можно более ярко высветить прекрасное настоящее, или, наоборот, противопоставить светлый образ прошлого отвратительному настоящему⁴⁹.

Российская и украинская историографии, к сожалению, дают почву для широкой вариации тенденций, укладывающихся в оба эти типа. Например, традиция написания монументальных историй отдельных университетов по случаю их юбилеев — яркий образец первого типа, поскольку концепция «юбилейных» историй, разумеется, призвана показать, как, преодолевая трудности, иногда даже катастрофы, внешнее сопротивление и внутренние неурядицы в прошлом, тот или иной университет, наконец, пришел к своему блестящему состоянию в настоящем, преисполненному одних взлетов и достижений. «Юбилейные» истории столь же естественно получают свойство выстраивать ложную преемственность: так, регулярно в связи с тем или иным юбилеем университета может возникнуть попытка «удревнить» его возраст или, по крайней мере, связать его историю с предшественниками в глубине веков. Символом такой искусственно сконструированной преемственности зачастую может выступать само здание университета, древность которого (или учреждений, находившихся в нем) словно бы гарантирует глубокие традиции самого университета и, соответственно, его выдающийся прогресс (весьма характерными примерами такого рода тенденций служит запланированный недавно переезд философского факультета и администрации одного из современных федеральных университетов РФ в специ-

⁴⁹ Boockmann H. Wissen und Widerstand. Geschichte der deutschen Universität. Berlin, 1999. S. 8.

ально восстанавливаемое для него средневековое здание или использование другого средневекового здания в столице Украины для обоснования претензий занимающего его университета на свой первенствующий статус «старейшей высшей школы в Восточной Европе»).

В рамках второго типа в современной историографии отнюдь не изжитым оказался «традиционалистский» («изоляционистский») вариант описания истории университетов, который уже упоминался выше в связи с дискуссиями об «особости» развития университетов в Российской империи. Он стремится показать: все ценности университетского развития России базируются на том, что в прошлом оно было избавлено от «чуждых» влияний из стран Западной и Центральной Европы и определялось влиянием «национальных традиций», «соборности» и «высшего государственного разума». Соответственно, на настоящем этапе развития есть опасность потерять эти ценности, если допустить реформирование высшей школы по «западному пути» с его засилием индивидуализма, свободного рынка и взглядом на университеты как на «частные предприятия» со свойственным этому «категорическим неприятием государства как гаранта школы». Довольно просто понять, что такого рода высказывания — лишь публицистические реплики при обсуждении современных реформ высшей школы; они далеки от исторической науки.

Парадоксально, но практически тождественным по содержанию, хотя и весьма отличающимся от «традиционалистского» взгляда по форме, оказывается современный «реформистский» вариант истории университета. Для него прежде всего свойственно использование большого количества затемняющих общий смысл происходивших процессов терминов, почерпнутых из культурологических или социологических работ. В результате вместо четкого выделения научных проблем и анализа источников наблюдается стремление (по собственному выражению таких авторов) «расфокусировать оптику», представить читателю весьма рыхлый материал, подаваемый как «культурологическая деконструкция» и воплощение «плюралистичных подходов». На деле многие такие построения слишком умозрительны, а порой и противоречивы, содержательная сторона таких работ определяется тем априорным утверждением, что западная университетская традиция якобы предоставляет ученым бесконечное поле свободы, а российская — столь же полное и абсолютное поле принуждения, «тотальное огосударствление университетов». В соответствии с таким взглядом члены российского университетского сообщества оказываются не

в состоянии принять даже немногие западные элементы свободы, неспособны к самоуправлению, им не нужно, и мыслят себя лишь в категориях государственных чиновников. Эти утверждения «реформистов» совпадают с выводами «традиционалистов» во всем, кроме оценочного знака: там, где первые видят «тотальное огосударствление», последние — «высший государственный разум, управляющий школой» и т. д. Понятно поэтому, что различаться будут у них лишь призывы в свете нынешних университетских реформ: там, где одни будут упираться на сохранение традиций отечественной высшей школы, другие столь же рьяно призывать к ее полной ликвидации и демонтажу. Легко также заметить, что утверждения «реформистов» имеют очень старое происхождение, так, о том, что российские университеты обладали в XIX в. лишь «фикцией академической свободы», заявлял еще П. Н. Милюков, а затем схема, по которой самодержавие непрерывно подавляло университетские свободы, стала отличительной чертой советской историографии⁵⁰.

Подводя итоги, подчеркнем, что для данного проекта одной из насущных задач являлось преодоление, насколько это возможно, предвзятых концепций и осуществление всестороннего анализа процесса становления университета в Российской империи как социального института.

* * *

Настоящая монография представляет итоговые результаты международного проекта «Ubi universitas, ibi Europa», финансирование которого в 2008–2010 гг. осуществлял фонд Gerda Henkel Stiftung (AZ 02/SR/08). В состав участников проекта входили историки, представляющие Московский, Харьковский и Казанский университеты. Базой для проведения проекта явился Германский исторический институт в Москве (ГИИМ), активная и целеустремленная деятельность которого стала залогом успешного выполнения проекта.

Участники проекта были объединены в три исследовательские группы. Задачи московской группы (руководитель — проф. А. Ю. Андреев) состояли в том, чтобы изучить внутренние отношения в корпорациях российских университетов второй половины XVIII — первой половины XIX в. Во многом они раскрывались через университетские конфликты, демонстрировавшие различ-

⁵⁰ Более подробный историографический анализ см.: *Петров Ф. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 64–102.

ные варианты идейного понимания организационных основ университета (что и позволяет на этом материале исследовать особенности трансфера и адаптации университета в России). Сюда относились проблемы оформления корпорации путем получения привилегий, адаптации в России системы ученых степеней и академических должностей внутри корпорации, отношений профессоров и студентов и их изменений в связи с усвоением представлений о «классическом университете».

В задачи группы участников проекта из Казани (руководитель — проф. Е. А. Вишленкова) входило прежде всего исследование механизмов управления и формальных, и неформальных властных практик во взаимоотношениях университета и государства: роль попечителей в истории российских университетов, проблемы администрирования, роли и функции ректора, инспектора и др. должностей в корпоративной культуре, формирования норм и девиаций в академической среде. Особой задачей данной группы в рамках проекта, актуальной именно для Казанского университета, являлось исследование «просветительской колонизации» региона через университет, т. е. его вклад в развитие инфраструктуры, изучение регионального быта и проч.

Основная исследовательская работа харьковской группы участников (руководитель — проф. С. И. Посохов) была связана с проблемой «Университет и город» в ее разнообразных аспектах. В частности, изучались социализация ученых в городской среде, пространственная и временная организация их жизни, материальные условия работы, взаимоотношения с городскими властями и местным обществом, формы репрезентации в общественной жизни и т. д.

В ходе подготовительной работы, когда оформлялся коллектив участников и складывалась основная проблематика проекта, большую роль сыграла международная научная конференция «Университетские концепции в Европе и России XVIII — начала XX в.» (Петербург, 22–24 июня 2007 г.)⁵¹, проведенная Германским историческим институтом в Москве на базе Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге.

В дальнейшем участниками проекта были организованы еще пять рабочих встреч:

⁵¹ Доклады конференции вышли в свет в сборнике: Андреев А. Ю. (сост.), Дорони А. В. (отв. ред. серии). «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. М., 2009.

1) «*Академическая конфликтология: природа университетских конфликтов в Российской империи*» (Москва, 5–6 ноября 2007 г.), где обсуждались основные типы конфликтов и вытекающее из них столкновение различных видов иерархий в университете, а также механизмы адаптации в России «университетской автономии», ученых должностей и ученых степеней и др.

2) «*Университет и город в Российской империи XVIII–XIX вв.*» (Харьков, 15–18 мая 2008 г.), на которой в сравнительном аспекте рассматривалось взаимодействие трех российских университетов (Московского, Харьковского и Казанского) с социальным пространством тех городов, где они были расположены; влияние университета на город, города — на университет.

3) «*Университетские практики властвования: Казань, Москва, Харьков (XVIII — первая половина XIX века)*» (Казань, 27–29 апреля 2009 г.), где в центре обсуждения находились проблемы формальных практик управления (институт власти кураторов и попечителей в XVIII — первой половине XIX в. в рамках российского законодательства и европейской традиции), наличие неформальных практик, осуществляемых через посредство писем, языка, символов в отношениях между профессурой и начальством, постепенное складывание «власти интеллекта» через формирование российскими университетами новой элиты.

4) «*Русско-немецкие университетские связи в XVIII — начале XX века: сотрудничество, взаимное влияние, интеллектуальное пространство*» (Майнц, 17–19 июня 2010 г.). Помимо участников проекта к этой встрече были привлечены немецкие ученые, занимающиеся сходными проблемами, благодаря чему она была поддержана совместной программой Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)⁵². Предметом дискуссий на конференции послужило сопоставление университетского пространства Российской империи и Центральной Европы (Священной Римской империи германской нации, Германского союза, Германской империи) в XVIII — начале XX в., был проведен сравнительный анализ корпораций российских и немецких университетов по основным изучаемым в проекте параметрам, а также обсуждались механизмы трансфера университетской идеи из Европы в Россию.

5) Итоговая встреча по проекту состоялась в Германском историческом институте в Москве (19 ноября 2010 г.). На ней в виде кратких докладов были представлены результаты работы групп в

⁵² Грант РГНФ № 10-01-14012 г/Д.

соответствии с частями коллективной монографии, а также подготовленные в ходе выполнения проекта научные публикации.

Всего за время реализации проекта были опубликованы два коллективных издания, а также монографии его отдельных участников и целый ряд статей.

Коллективные издания открыли серию трудов проекта «Ubi universitas, ibi Europa», учрежденную Германским историческим институтом в Москве и выходящую в свет в издательстве РОССПЭН. В антологии «Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX века»⁵³ были систематизированы тексты, в которых ученые, государственные и общественные деятели излагали свое понимание процессов распространения, утверждения и развития университетской идеи в Российской империи. Биографический словарь «Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)»⁵⁴ позволил впервые объединить около 100 биографий иностранных (преимущественно немецких) профессоров, преподававших в Московском, Харьковском, Казанском и Петербургском университетах, причем собранный материал позволил не только представить академические биографии этих ученых (для многих из которых они до сих пор не были написаны), но шире — дать их коллективный портрет, поскольку эти ученые являлись непосредственными «агентами» в процессе трансфера университетских практик из Европы в Россию.

Индивидуальными монографиями, освещающими научные результаты по отдельным аспектам проекта в соответствии с поставленными в нем задачами, явились книги А. Ю. Андреева⁵⁵, А. М. Феофанова⁵⁶, Л. Ю. Посоховой⁵⁷.

Структура настоящей итоговой монографии в первоначальном виде обсуждалась руководителями названных выше проект-

⁵³ Андреев А. Ю., Посохов С. И. (сост.). Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX века: Антология. М., 2011.

⁵⁴ Андреев А. Ю. (общ. ред.), Феофанов А. М. (сост.). Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.): Биографический словарь. М., 2011.

⁵⁵ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

⁵⁶ Феофанов А. М. Студенчество Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX в. М., 2010.

⁵⁷ Посохова Л. Ю. На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII — на початку XIX ст. Харків, 2011.

ных групп. При ее окончательном написании были использованы результаты научно-исследовательской (архивной поисковой и аналитической) работы, осуществленной участниками проекта — членами московской, казанской и харьковской групп: А. Ю. Андреевым (в главах 1, 2, 3), С. И. Посоховым (в главах 3, 4, 5), Д. А. Цыганковым (в главах 3, 4, 5), Л. Ю. Посоховой (в главе 4), Т. В. Костиной (в главах 3 и 5), А. М. Феофановым (в главах 3, 4, 5), В. Ю. Иващенко (в главе 5) и К. А. Ильиной (в главе 3).

Наша особая благодарность всему коллективу сотрудников Германского исторического института в Москве и в первую очередь его директору-основателю профессору Бернду Бонвечу, директору ГИИМ с 2010 г. профессору Николаусу Катцеру, научному сотруднику и куратору проекта со стороны ГИИМ д-ру Андрею Доронину, финансовому директору ГИИМ Бригитте Циль. С искренними словами признательности мы обращаемся к немецким ученым, которые своим научным и организационным содействием оказали помощь при работе над проектом — профессору Труде Маурер (Гёттинген), д-ру Хартмуту Рюдигеру Петеру (Галле), а также сотрудникам университета Иоганна Гутенберга в Майнце — профессору Яну Кусберу и Александру Каплуновскому.